

Бабенко Л. Г. «Нет, не луна, а светлый циферблат ...» (О. Э. Мандельштам) : опыт поэтико-идеографического анализа / Л. Г. Бабенко, В. А. Глазырин // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 10. — С. 9—31. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-9-31.

Babenko, L. G., Glazyrin, V. A. “No, not the Moon, but a Bright Dial...” (O. E. Mandelstam): Experience of Poetic-Ideographic Analysis. *Nauchnyi dialog*, 11(10): 9-31. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-9-31. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-9-31

**«Нет, не луна, а светлый
циферблат ...»
(О. Э. Мандельштам):
опыт поэтико-
идеографического анализа**

Бабенко Людмила Григорьевна
orcid.org/0000-0002-9250-3232
доктор филологических наук,
профессор
lgbabenko@yandex.ru

Глазырин Вячеслав Александрович
orcid.org/0000-0001-8504-3015
старший преподаватель
glazyrinslava@bk.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 22-18-00352

**“No, not the Moon,
but a Bright Dial...”
(O. E. Mandelstam):
Experience of Poetic-
Ideographic Analysis**

Liudmila G. Babenko
orcid.org/0000-0002-9250-3232
Doctor of Philology, Professor
lgbabenko@yandex.ru

Vyacheslav A. Glazyrin
orcid.org/0000-0001-8504-3015
Senior Lecturer
glazyrinslava@bk.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-18-00352

© Бабенко Л. Г., Глазырин В. А., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Освещаются принципы формирования авторской поэтической идеографии — нового направления исследования поэтических текстов, которое развивается в настоящее время на пересечении теоретической и практической идеографии и авторской лексикографии. Основная цель подобного подхода — выявление и описание индивидуально-авторских поэтических картин мира и их репрезентаций в лексикографических параметрах. В статье излагается общая модель предлагаемого поэтико-идеографического анализа и основные теоретические понятия, связанные с новым когнитивно-дискурсивным подходом к интерпретации поэтического текста, такие как глобальная индивидуально-авторская картина мира, локальная картина фрагмента мира, которые в словаре имеют особенности их репрезентации в рамках различных текстовых структур: целостной глобально-событийной, локально-фрагментарной, макро- и микро-ситуативной. Они рассматриваются на материале стихотворения «Нет, не луна, а светлый циферблат ...» (О. Э. Мандельштам) в процессе его поэтико-идеографического анализа, осуществленного в предлагаемой статье на основе разработанной модели, ее основных этапов, поставленных задач. В перспективе планируется исследование целостной индивидуально-авторской картины мира О. Э. Мандельштама, воплощенной в первом издании книги «Камень», а также составление авторского идеографического словаря языка поэта.

Ключевые слова:

поэтический текст; идеографическая лексикография; авторский идеографический словарь; индивидуально-авторская картина мира; О. Э. Мандельштам.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The principles of the formation of the author's poetic ideography are highlighted — a new direction in the study of poetic texts, which is currently developing at the intersection of theoretical and practical ideography and author's lexicography. The main goal of this approach is to identify and describe the individual author's poetic pictures of the world and their representations in lexicographic parameters. Both the general model of the proposed poetic-ideographic analysis and the main theoretical concepts associated with the new cognitive-discursive approach to the interpretation of a poetic text are presented in the article. They are: a global individual-author's worldview, a local picture of a fragment of the world, which in the dictionary have features their representation within the framework of various structures: integral global-event, local-fragmentary, macro- and micro-situational. They are used in the process of poetic-ideographic analysis of the poem "No, not the moon, but a bright dial..." (O. E. Mandelstam), carried out in the proposed article on the basis of the developed analysis model, its main stages, and tasks. The prospect of the research is the study of the integral individual-author's worldview of O. E. Mandelstam, presented in the first edition of the book "Stone", as well as the compilation of the author's ideographic dictionary of the poet's language.

Key words:

poetic text; ideographic lexicography; author's ideographic dictionary; individual author's worldview; analysis model, Osip Mandelstam.

«Нет, не луна, а светлый циферблат ...» (О. Э. Мандельштам): опыт поэтико-идеографического анализа

© Бабенко Л. Г., Глазырин В. А., 2022

1. Введение = Introduction

Предмет рассмотрения статьи — принципы поэтико-идеографического анализа и демонстрация результатов подобного анализа на материале стихотворения О. Э. Мандельштама «Нет, не луна, а светлый циферблат ...» из его первого сборника стихотворений «Камень». Исследование опирается на фундаментальные труды, посвященные изучению творчества поэта с самых разных позиций: поэтики (Н. А. Струве, С. С. Аверинцев и др.), литературоведения (Л. Я. Гинзбург, М. Л. Гаспаров, А. Г. Мец и др.), лингвистики (Вяч. Вс. Иванов, Ф. Б. Успенский и др.). Привлекаются работы, посвященные как специальному исследованию книги «Камень» в целом, так и содержащихся в ней отдельных стихотворений. Важнейшими являются исследование Д. В. Фролова «О ранних стихах Осипа Мандельштама» [Фролов, 2009] и Д. Лебедева «Молодой Мандельштам» [Лебедев, 2022]. Предметом исследования становилось и стихотворение «Нет, не луна, а светлый циферблат ...». Доминируют преимущественно общепилологические, литературоведческие, философские исследования, в то время как лингвистический аспект рассмотрения и анализа произведений О. Э. Мандельштама представлен незначительно. Данная статья отчасти восполняет этот пробел. Она является частью большого исследования, посвященного, во-первых, выявлению и описанию индивидуально-авторской картины мира (далее — ИАКМ) О. Э. Мандельштама, воплощенной в цикле стихотворений, опубликованном в первом издании книги «Камень», во-вторых, оформлению полученных результатов в лексикографических параметрах в виде идеографического словаря О. Э. Мандельштама. Таким образом, наше исследование имеет комплексный характер, основанный на совмещении когнитивно-дискурсивного и лексикографического подходов.

В качестве основного инструмента анализа нами избран метод *поэтической идеографии*, в основе которого, по замечанию Ю. В. Казарина, «лежит исследование и описание смысловой парадигматики лексики на глубинном уровне лексической смысловой структуры стихотворения» [Казарин, 2004, с. 360]. При этом следует уточнить и добавить, что поэтическая идеография одновременно осмысливается нами и как метод исследования,

включающий различные частные методики выявления денотативно-идеографических и когнитивно-дискурсивных лексических множеств, и как его итог. Результат подобного анализа представляет собой выявленную и системно организованную лексику анализируемых стихотворений, отображающую и интерпретирующую внешний и внутренний миры поэта и тем самым выражающую авторские представления о нем, что, соответственно, является основой структурирования и формирования ИАКМ, дающей возможности ее интерпретации и осмысления.

Метод поэтической идеографии опирается прежде всего на общую теорию идеографической лексикографии, представленную в трудах крупнейших российских лингвистов (см.: Л. М. Васильев, Ю. Н. Караулов, В. В. Морковкин, Э. В. Кузнецова, Н. Ю. Шведова и др.), а также на концепцию идеографических словарей, разработанную Л. Г. Бабенко и реализованную авторским коллективом ученых-лексикографов Уральской семантической школы (далее — УСШ) в серии созданных идеографических словарей: русских глаголов (1999, 2007), существительных (2005), прилагательных (2011, 2012, 2016), синонимов (2007, 2008, 2011, 2917), антонимов (2021), глагольных предложений (2004, 2016), концептов (2010, 2017). Кроме того, этот подход учитывает и достижения в области традиционной авторской лексикографии, принципы которой глубоко и многоаспектно описаны в работах Л. Л. Шестаковой [Шестакова, 2011]. Следует отметить в этом отношении большие достижения в области создания классических авторских словарей русских писателей и поэтов: И. Бунина (2015), В. Высоцкого (2012), А. Грибоедова (2017), А. Пушкина (1961), В. Хлебникова (1995), М. Цветаевой (1996), М. Шолохова (2005), В. Шукшина (2001) и мн. др.

При некотором разнообразии имеющихся авторских словарей, большинство из них относится к типу традиционного толкового словаря. Концепции авторских идеографических словарей пока не разработаны в полной мере, хотя уже просматриваются в ближайшей перспективе. В статье приводится опыт разработки подобного типа авторского словаря как воплощения ИАКМ.

Опираясь в комплексе на указанные выше две лексикографические модели интерпретации словарного состава произведений одного автора — толковые алфавитные и идеографические словари, — мы обратились к разработке концепции и созданию авторского идеографического словаря О. Э. Мандельштама на материале его первого сборника «Камень», отображающего индивидуально-авторскую картину мира раннего периода его творчества. Ю. М. Лотман ранее отмечал значимость в целом деятельности по составлению словарей отдельных поэтических произведений именно в аспекте ИАКМ. Он писал: «Составив словарь того или иного стихотворения, мы получаем — пусть грубые, приблизительные — контуры того,

что составляет мир, с точки зрения этого поэта» [Лотман, 1996, с. 91]. Следует добавить, особую значимость при этом имеют идеографические словари, пик создания которых приходится на конец XX — начало XXI века. Главная структурная особенность этих словарей — систематизация лексики по разного рода семантическим множествам с учетом избранных научных подходов: лексико-семантическим, функционально-семантическим, денотативно-идеографическим, когнитивно-дискурсивным [Бабенко, 2020, с. 27], представленным в виде иерархически организованных структур, которые напрямую связаны с категоризацией и концептуализацией мира, что является основанием интерпретации этих структур и их лексического наполнения в аспекте решения проблемы ИАКМ. В процессе анализа материала мы опираемся на понятие денотативно-идеографической группы (здесь и далее — ДИГ), которое связано с представлением о поличастеречном множестве, выявляемом на основе денотативно-ситуативной обусловленности, то есть типовой структуры ситуации с учетом ее компонентного состава, а также на представление о когнитивно-дискурсивных множествах (здесь и далее — КДМ), репрезентирующих концептуальные смыслы стихотворений.

Итогом исследования индивидуально-авторский картины мира О. Э. Мандельштама, воплощенной в первом издании книги «Камень», станет авторский идеографический словарь языка поэта. Результаты, полученные на основе идеографического метода анализа словарного состава поэтических произведений одного автора — метода поэтической идеографии, в дальнейшем послужат основой формирования нового направления идеографической лексикографии — авторской поэтической идеографии, которое будет также иметь большое значение для более объективного выявления и описания индивидуально-авторских картин мира.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

2.1. Основные понятия и модель анализа

Обратившись к изучению ИАКМ, воплощенной в сборнике стихотворений О. Э. Мандельштама, мы условно-гипотетически разграничиваем две основные разновидности отображенных в нем ИАКМ: во-первых, целостную картину внешнего и внутреннего мира, воплощенную во всем сборнике поэта и репрезентированную всей совокупностью лексем, участвующих в ее формировании, которую мы обозначаем как *глобальную картину мира*. Во-вторых, фрагменты внешнего и внутреннего мира поэта, зафиксированные в каждом отдельном стихотворении, которые мы именуем как *локальную картину мира*, в составе которой имеются в качестве составных компонентов микрокомплексы, отображающие различные аспекты протекания ситуаций в рамках поэтических фраз. В связи с подобным «расщепленным»

уровнем представления микромира поэтическими фразами и общей разработанной концепцией поставленная в исследовании цель выявления ИАКМ поэта распадается на две задачи: 1) выявление глобальной ИАКМ на основе анализа полного словника сборника стихотворений О. Э. Мандельштама «Камень»; 2) выявление локальных фрагментов внешнего и внутреннего мира, зафиксированных в каждом отдельном стихотворении сборника. Отметим, что при денотативно-идеографической классификации лексики, выявленной из стихотворений О. Э. Мандельштама, мы опираемся на Синописис [Бабенко, 2014], созданный на основе свода идеографических классификаций, представленных во всех словарях УСШ: глаголов, существительных, прилагательных и др. Он представляет собой наиболее полный вариант лексической категоризации мира, выявленной экспериментальным способом в результате идентификации слов различной частеречной принадлежности, которая фактически отображает русскую национальную ЯКМ. Синописис максимально приближен к миру действительности как глобальный полиаспектный и поличастеречный свод классификаций, способствующий адекватному и объективному его воспроизведению в формате ЯКМ с помощью точных экспериментальных лингвистических процедур. В настоящее время Синописис как глобальный свод идеографических классификаций является для нас основным ориентиром и образцом, той семантической картой, на которую мы ориентируемся при категоризации и систематизации лексики общего идиостилевого лексико-семантического пространства стихотворений сборника О. Э. Мандельштама «Камень».

В данной статье основное внимание уделено более подробному освещению результатов исследования только второй задачи: поэтико-идеографического анализа одного стихотворения О. Э. Мандельштама «Нет, не луна, а светлый циферблат ...», осуществляемого с целью выявления в нем отображения фрагмента картины мира как части ИАКМ. В этом случае проводимый поэтико-идеографический анализ представляет собой последовательную многоаспектную интерпретацию каждого отдельного стихотворения, входящего в общий поэтический сборник. Результаты существенного анализа оформляются в лексикографических параметрах и представляют собой одновременно *словарную статью отдельно взятого стихотворения*, отображающего фрагмент индивидуально-авторской картины мира поэта, которая в то же время в аспекте размещения в авторском идеографическом словаре представляет собой его *макроструктуру*. Указанная выше словарная статья авторского идеографического словаря включает в себя следующие словарные зоны:

1. Заглавная единица — анализируемый поэтический текст вместе с названием;

2. Необходимый культурологический и текстоведческий комментарий;
3. Поэтико-идеографический анализ лексики отдельного стихотворения, включающий следующие лексикографические параметры:

3.1. Семантический анализ лексического значения слова и его контекстуальных реализаций с целью выявления основных текстовых смыслов и способов их репрезентации;

3.2. Грамматическая интерпретация используемых лексем в аспекте концепции категориально-грамматических и рематических доминант;

3.3. Денотативно-идеографический анализ лексики с целью выявления в ее составе парадигматических группировок разного типа;

3.4. Когнитивно-дискурсивный анализ, нацеленный на выявление концептуальной информации и способов ее репрезентации в тексте;

4. Интерпретация особенностей фрагмента индивидуально-авторской картины мира, воссозданного в анализируемом тексте, формулировка его общего когнитивно-дискурсивного смысла.

Основные принципы и предлагаемая логика поэтико-идеографического анализа каждого отдельного стихотворения позволяет раскрыть его специфику как уникального фрагмента внешнего бытийного и внутреннего психологического мира.

Микроструктура авторского идеографического словаря включена в его макроструктуру и представляет собой словарную статью отдельно взятой лексемы, участвующей в отображении мира. Данная статья учитывает основные аспекты планов выражения и содержания, грамматики и текстовых функций лексических знаков, она является составной частью, микрокомпонентом макроструктуры большой словарной статьи, а также имеет определенную логику описания каждого отдельного слова стихотворения по лексикографическим параметрам, указанным в общей модели анализа (см. п. 3.1. — 3.4.).

2.2. Опыт поэтико-идеографического анализа

Представим поэтико-идеографический анализ стихотворения «Нет, не луна, а светлый циферблат ...».

1. Текст стихотворения:

*Нет, не луна, а светлый циферблат
Сияет мне, и чем я виноват,
Что слабых звезд я осязаю млечность?*

*И Батюшкова мне противна спесь:
Который час, его спросили здесь —
А он ответил любопытным: «вечность»!*

1912

2. Необходимый культурологический и текстоведческий комментарий.

Исследуемый поэтический текст был опубликован в первом издании книги «Камень» в 1913 году. Стихотворение «Нет, не луна, а светлый циферблат ...» представляет собой аутодиалог лирического героя, переосмысляющего символистский канон. Исследуемый поэтический текст обращен к стихотворцам-акмеистам, вместе с которыми О. Э. Мандельштам входил в Цех поэтов: Н. С. Гумилеву, А. А. Ахматовой, С. М. Городецкому. Лирический субъект, с одной стороны, совершает «литературное покаяние», с другой — утверждает возможность совмещения двух литературных направлений. С. Голдберг, рассуждая о борьбе двух литературных направлений — символизма и акмеизма в поэтике О. Э. Мандельштама, пишет: «Поэзия Мандельштама 1912 года < ... > представляет собой процесс длительного и неуловимого “преодоления”» [Голдберг, 2020, с. 77]. Стихотворение «Нет, не луна, а светлый циферблат ...» не является строго акмеистическим поэтическим текстом, в нем проявились черты обоих литературных направлений, однако именно в этом стихотворении и начинается «борьба» двух канонов: символистского и акмеистического. По мнению Н. С. Гумилева, именно в стихотворении «Нет, не луна, а светлый циферблат ...» О. Э. Мандельштам заявляет о переходе своей поэтики от символизма к акмеизму. Однако следует отметить, что в понимании О. Э. Мандельштама «акмеизм — это прежде всего не противопоставление “звездного” “земному”, “млечному”, а “живое равновесие”» (цитата принадлежит Мандельштаму) [Цит. по: Лекманов, 2016, с. 75].

В рецензии на дебютную книгу поэта Н. С. Гумилев отмечал особое значение данного стихотворения для творчества О. Э. Мандельштама: «Этим он открыл двери в свою поэзию для всех явлений жизни, живущих во времени, а не только в вечности или мгновении» [Мандельштам, 1990, с. 216].

Отдельным вопросом для исследователей этого стихотворения стала семантика необычного отвлеченного существительного *млечность*, которое не является авторским неологизмом, так как оно встречалось, например, у В. И. Иванова в стихотворении «Вечность и миг» (... *но всходит выше роковая млечность*) и у К. Д. Бальмонта в стихотворении «Огнепоклонником я прежде был когда-то ...» (... *и в их сокрытиях, сквозь ласковую млечность, / молниеносные рождаются цветы*). Отметим, что и В. И. Иванов, и К. Д. Бальмонт были поэтами-символистами. Существительное *млечность* образовано от прилагательного *млечный* (от неосновного словарного значения «2. Белый, цвета молока»). Как отмечал В. С. Баевский, существительное *млечность* функционирует в тексте в рамках оппозиции «звезды — млечность» [Баевский, 1990, с. 318]. Далеким, недо-

ступным, «символистским» звездам противопоставлена их почти физически ощущаемая млечность.

По замечанию В. С. Баевского, в исследуемом поэтическом тексте «луна семантизируется как метафора вечности, циферблат — как метонимия времени» [Баевский, 1990, с. 315], также исследователь выделяет ряд частных воплощений оппозиции «свое-чужое»: «луна — циферблат», «звезды — млечность», «вечность — час», «Батюшков — я», «символизм — акмеизм» и др. Л. Г. Кихней и Е. В. Меркель, развивая эту мысль, утверждают, что «отрицательное построение», заявленное в начале, реализуется в смысловой структуре всего стихотворения» [Кихней и др., 2013, с. 62]. Они согласны с Ю. И. Левиным, который охарактеризовал поэтику О. Э. Мандельштама как «негационную» [Там же]. Кроме того, в комментарии к этому стихотворению в академическом издании сборника «Камень» его составители отмечают: «В ст-ии, по-видимому, оспаривается отождествление Батюшковым “вечности” и “часа” (определитель времен), которым Мандельштам усваивает значение оппозиций (нерасчлененной вечности и исторического “времени”) <...> Многочисленные мемуарные свидетельства и прямые признания (ст-ние “Батюшков”, 1932) говорят о том, что Батюшков был “вечным спутником” Мандельштама; отмеченный “спор” с ним, был, как видно, “отправной точкой у последующего диалога с его позицией у Мандельштама”» [Приложения ..., 1990, с. 293—294].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Поэтико-идеографический анализ лексики стихотворения. Семантический анализ лексических значений и их контекстных реализаций.

НЕТ, част. Эта отрицательная частица, занимающая сильную позицию в тексте — начала стихотворения, акцентирует внимание на категорическом отрицании чего-то того, что являлось главным и важным для лирического героя и что составляло предмет его глубоких рассуждений, пережитых ранее и полемически направленных против иной точки зрения. Она обычно употребляется в начале реплики, прерывающей собеседника, или в начале возражения собеседнику, что соответствует ее значению и функции, которое формулируется следующим образом: «2. *Употр. в повествовательной речи при передаче итогов размышления, приведшего к решительному отрицанию одного из предположений*», что подтверждается использованием контекстно-вариативной формы диалога, частью которого является отрицательное утверждение. В словаре отмечается еще одно значение этой частицы: «5. *Подчеркивает переход к какой-то теме, мысли или перерыв в течение темы, мысли*». Представляется, что в данном тексте

она, действительно, одновременно реализует два значения: отрицание и переход к новому утверждению, предполагающему полемическую направленность. Данная частица *нет* относится к денотативной сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Отрицание» и подгруппе «Логическая последовательность».

НЕ, част. Это еще одна отрицательная частица, которая употребляется в контексте рядом с частицей *нет*, контактное расположение которых формирует двойное отрицание: *Нет, не*, способствующее выражению возрастающей градации, усилению семантики отрицания. Контекстное значение отрицательной частицы *не* совпадает с основным словарным: «1. *Выражает полное отрицание того, что обозначает слово или сочетание, перед которым она стоит*». Частица *не* также относится к денотативной сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Отрицание».

Луна, суш. Это существительное в исследуемом поэтическом тексте реализует основное словарное значение: «1. *Небесное тело, естественный спутник Земли, светящийся отражённым солнечным светом*». При этом значение слова в поэтической фразе расширяется, обогащается за счет наведенных контекстом сем, актуализирующих признаки постоянности как самого источника света, так и процесса его излучения, а также неизменности временной длительности, вечности. В результате существительное *луна* в данном контексте, сохраняя основное, развивает ассоциативно-образное значение ночного светила как символа вечности. Вследствие контекстуальной двуденотативности лексема *луна* относится к двум денотативным сферам: она входит и в сферу «Неживая природа», группу «Небесное пространство и небесные тела», а также в сферу «Восприятие окружающего мира», подгруппа «Время».

А, союз. Сочинительный союз *а* включается в конструкцию двойного отрицания, усложняя ее структурно (*нет не, а*) и семантически, добавляя к семантике отрицания семантику уступительности, что соответствует его основному словарному значению: «1. *Выражает противопоставление, сопоставление (обычно с уступительным оттенком)*». Союз *а* относится к денотативной сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Сопоставление».

Светлый, прил. Оно употребляется в стихотворении в неосновном номинативно-производном значении: «2. *Хорошо освещённый, наполненный светом*». Контекстное значение лексемы *светлый*: «*Хорошо освещённый или нетёмного цвета*». Происходит погашение сем *наполненный светом* при наведении семы *нетёмного цвета*. Если учитывать сочетаемость прилагательного со словом *циферблат*, можно однозначно утверждать, что актуализируется признак цвета, а не освещенность. Прилагательное *светлый*

относится к сфере «Неживая природа», группе «Оптические явления и их признаки», а также к сфере «Восприятие окружающего мира», подгруппе «Проявление цветового признака (оттенки, качество)».

Циферблат, суш. Данное слово имеет следующее основное значение, зафиксированное в словаре: *«Пластина какого-л. измерительного прибора с нанесёнными на ней делениями, предназначенная для указания значения измеряемой величины (обычно при помощи стрелки)»*. В поэтическом контексте стихотворения О. Э. Мандельштама наблюдаются его семантические преобразования и реализуется следующий смысл: *«пластина часов с нанесёнными на ней делениями, предназначенная для определения и указания конкретного времени, фиксирующая актуальный миг, мгновение, момент настоящего преходящего времени»*. Наблюдается погашение сем: *‘какой-л. измерительный прибор’*, *‘значение измеряемой величины’*, *‘обычно при помощи стрелки’*, а также наведение сем *‘часы’*, *‘время’*, *‘точность измерения’*, *‘изменчивость’*, *‘настоящий момент’*, *‘миг’*, *‘мгновение’*, при этом актуализируется свойство часов точно фиксировать мгновения преходящего актуального времени. Кроме того, в данном стихотворении это слово встраивается в антонимическую оппозицию с усилительно-выделительным значением: *«не луна — а циферблат»*, которая, занимая вершинную позицию, выполняет текстообразующую функцию и организует последовательную иерархию значений с семантикой противоположности. Анализируемое слово относится к денотативной сфере «Восприятие окружающего мира», подгруппе «Счет времени».

Сиять, гл. В контексте стихотворения имеет неосновное номинативно-производное значение: *«2. Блестеть, сверкать, отражая свет, лучи; блистать»*. В этом значении глагол *сиять* относится к денотативной сфере «Неживая природа», группе «Оптические явления и их признаки».

Я, мест. Личное местоимение повторяется в этом небольшом, состоящем из шести строк стихотворении 4 раза: 2 раза в именительном и 2 раза в дательном падеже (*мне, я, я, мне*), что говорит о его концептуальной текстовой значимости. Конечно, оно используется прежде всего для выражения позиции лирического субъекта, который в самой первой поэтической фразе прямо и открыто заявляет о приверженности реальному времени, мгновениям бытия (*светлый циферблат сияет мне*). Относится к денотативной сфере «Человек как живое существо», группе «Искусство», подгруппе «Поэзия».

И, союз. В исследуемом поэтическом тексте он реализует следующее значение: *«3. Внутренне связывает сообщение с предшествующей ситуацией, предопределяющей положительную или отрицательную оценку»*. В данном случае союз *и* соединяет в одно поэтическое высказывание утверждение о значимости при восприятии и осознании внешнего мира се-

мантики конкретного времени, его мгновений с рассуждением о собственной невинности и естественности подобного ощущения времени.

Союз *и* относится к денотативной сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Соединение».

Что (чем), мест. Находясь в начальной позиции поэтической фразы, вопросительное местоимение актуализирует причинный аспект чувства вины, о котором размышляет лирический герой (*и чем я виноват...*). Местоимение *что* относится к денотативной сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Причинно-следственные отношения».

Виноват, прил. Краткое прилагательное *виноват* реализует в контексте стихотворения основное словарное значение: «*1. Совершивший проступок, провинившийся в чём-л.*». В контексте употребляется в вопросительной конструкции, связанной с образом лирического субъекта, пытающегося найти и осознать воображаемую и приписываемую себе вину. Оно относится к денотативной сфере «Человек и его внутренний мир», подгруппе «Раскаяние».

Слабый, прил. Прилагательное *слабый* реализует неосновное номинативно-производное значение: «*9. Незначительный по степени своего проявления; малозаметный*», которое связано с указанием на слабую степень проявления какого-либо признака. В контексте стихотворения оно конкретизируется, сужается: «*Слабо светящий, малозаметный (о свете; объектах, излучающих свет, а также с трудом воспринимаемых зрением)*». Как видим, в семной структуре погашается обобщенная сема ‘*незначительный по степени своего проявления*’, не имеющая указаний на ограничения по набору характеризуемых признаков и обладающих ими объектов. В то же время наводятся семы ‘*слабо*’, ‘*светящий*’ и сохраняется, актуализируясь, сема ‘*малозаметный*’. При этом указываются объекты, обладающие этими признаками слабой степени проявления, воспринимаемые лирическим субъектом (*слабых звезд я осязаю млечность*). В данном значении лексема *слабый* относится к денотативной сфере «Неживая природа», группе «Оптические явления и их признаки», а также к сфере «Восприятие окружающего мира», подгруппе «Внешние качества предмета, воспринимаемые зрением».

Звезда, суц. Слово реализует основное словарное значение: «*1. Небесное тело, светящееся собственным светом, представляющееся взору человека светящейся точкой на небесном своде*». Слово *звезда* относится к денотативной сфере «Неживая природа», группе «Небесное пространство и небесные тела».

Осязать, гл. Его основное значение — конкретно-физическое: «*Воспринимать на ощупь, путем непосредственного прикосновения, осяза-*

ния», но в анализируемом поэтическом тексте он употребляется в сочетании с отвлеченным существительным *млечность*, в результате чего у него развивается обобщенно-переносное значение «*Чувствовать, замечать, воспринимать что-л.*». При этом редуцируются все признаки физического процесса восприятия («*на ощупь*», «*путем непосредственного прикосновения*», «*осязания*») и актуализируется интеллектуально-психологическая способность лирического героя тонко воспринимать внешний мир, даже свет слабых звезд.

Слово относится к денотативной сфере «Восприятие окружающего мира», подгруппам «Восприятие предмета» и «Пространство».

Млечность, сущ. Это структурно необычное существительное признаковой семантики, отображающее свойство звезд — млечность. Как отмечалось ранее на этапе культурологического комментария, это существительное встречалось в поэзии символистов еще до О. Э. Мандельштама, в котором оно употребляется в сочетании слов: *млечность слабых звезд*. Есть версия, что в данном случае у слова развивается значение цвета, так как одно из значений слова *млечный* — «*цвета молока, белоснежный*», которое поддерживается контекстом (*слабых звезд я осязаю млечность*) и которое можно сформулировать как «*белоснежность*». В то же время следует отметить, что в русском языке имеется устойчивое сочетание *Млечный путь*, которое связано с небесным явлением скопления звезд, расположенных в определенном пространстве и отражающих слабый свет: «*Постоянное явление светлой полосы, пересекающей всё звёздное небо, видимое в тёмную безлунную ночь вдали от городских огней*». В этом случае слово *млечность* интерпретируется так: «*отраженный слабый свет от излучения скопления звезд, расположенных в виде полосы в безлунное ночное время*». Но при этом и в первом, и во втором случае свет звезд воспринимается как преходящий, присущий определенному периоду — безлунному ночному времени.

Лексема *млечность* относится к денотативным сферам «Неживая природа», группе «Небесное пространство и небесные тела», «Оптические явления и их признаки», а также к сфере «Восприятие окружающего мира», группе «Внешние признаки предмета, воспринимаемого зрением».

И, союз. Он занимает важную позицию в структуре данного стихотворения: начинает вторую строфу, реализуя следующее значение: «*3. Внутренне связывает сообщение с предшествующей ситуацией, предопределяющей положительную или отрицательную оценку*». В данном контексте он выполняет функцию переключения со спора-рассуждения по вопросу восприятия времени на указание антагониста, противника лирического героя, и выражение оценочного отношения к нему: «*И Батюшкова мне противна*

спесь». В этом переключении изображенная в предшествующем контексте ситуация предопределяет отрицательную оценку названного в последующем контексте лица, имеющего противоположный взгляд на ход времени.

Относится к денотативной сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Соединение».

Батюшков. Имя русского поэта, который, по многочисленным мемуарным свидетельствам, а также прямым и поэтическим признаниям О. Мандельштама (см. стихотворение «Батюшков»), был «вечным спутником» Мандельштама, с которым он во многом не соглашался и спорил. Денотативная сфера «Искусство», ДИГ «Человек в сфере искусства».

Я, мест. Личное местоимение в форме дательного падежа *мне* указывает на лирического героя, выступающего пассивным объектом переживания эмоционально-оценочного отношения неприязни: *мне противна спесь*. Денотативная сфера «Человек и его внутренний мир», подгруппа «Обозначение лица, объекта-источника эмоций».

Противный, прил. Краткая форма этого прилагательного *противна* в контексте реализует основное оценочное значение: «Очень неприятный, отвратительный». Относится к денотативной сфере «Человек и его внутренний мир», подгруппе «Общая оценка».

Спесь, сущ. Оно реализует в контексте основное словарное значение: «*Чрезмерное самомнение, уверенность в своём превосходстве перед другими; высокомерие, чванство, кичливость*». Относится к денотативной сфере «Человек и его внутренний мир», подгруппе «Высокомерие».

Который, мест. Вопросительное местоимение реализует свое основное значение: «1. *Какой по порядку или какой именно из нескольких*». В устойчивом этикетном вопросе «*Который час?*» оно нацелено на получение информации относительно актуального времени. Денотативная сфера «Универсальные представления, смыслы и отношения», ДИГ «Вопрос».

Час, сущ. В контексте стихотворения реализует значение «2. *Мера времени, часть суток в 60 минут, исчисляемая от полудня или от полуночи, а также от полуночи в течение суток*». Употребляется в этикетной формуле «*Который час?*», которая представляет собой намерение узнать с определенной точностью конкретное текущее время, мгновение, противоположное вечному времени. Относится к денотативной сфере «Восприятие окружающего мира», ДИГ «Счет времени», а также к ДИГ «Время относительно момента речи».

Он, мест. Личное местоимение третьего лица, которое употребляется в стихотворении в винительном падеже с целью замещения собственного имени ранее названного поэта. Денотативная сфера «Речь», ДИГ «Человек — участник речевой деятельности».

Спросить, гл. Глагол в контексте стихотворения реализует основное словарное значение: «1. *Обратиться с вопросом с целью узнать, выяснить что-л.*». Относится к денотативной сфере «Язык и речь», подгруппе «Речевое сообщение».

Здесь, нареч. Оно реализует в контексте основное значение «*в этом месте (противоп.: там)*», то есть на земле, в реальном мире, противоположном иному вечному миру. Оппозиция передается эксплицитно и подтекстово дейктическими средствами: *здесь — там*. Относится к идеографической сфере «Восприятие окружающего мира», группе «Пространство».

А, союз. Сочинительный союз *а* выражает сопоставительные отношения, которые соотносят и связывают участников отображаемой ситуации: любопытных людей и Батюшкова. В то же время семантика сопоставления этого союза в контексте осложняется дополнительным смыслом, который фиксируется и словарями: «*В разговоре в начале реплики обозначает противоположение, несовпадение мыслей собеседников*». Относится к идеографической сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», подгруппе «Противопоставление».

Он, мест. Личное местоимение третьего лица выполняет заместительную функцию, употребляясь при повторной номинации лица, ранее обозначенного собственным именем.

Ответить, гл. Глагол *ответить* в контексте имеет значение: «*Дать ответ на заданный вопрос, обращение*», в контексте его значение расширяется, наводятся семы ‘неожиданный ответ’, ‘не тот, который ожидали’. Глагол относится к денотативной сфере «Язык и речь», подгруппе «Речевое сообщение».

Любопытный, сущ. Субстантив *любопытные* реализует в контексте значение: «*Тот, кто проявляет любопытство, отличается любопытством*». Относится к денотативной сфере «Человек и его внутренний мир», подгруппе «Интерес».

Вечность, сущ. Существительное *вечность* реализует в тексте неосновное словарное значение: «*2. Течение времени, не имеющее ни начала ни конца*». В контексте стихотворения лексема *вечность* относится к денотативной сфере «Универсальные представления, смыслы и отношения», группе «Онтологические, бытийные категории».

3.2. Грамматическая интерпретация используемых лексем в аспекте концепции категориально-грамматических и рематических доминант

Лексический состав стихотворения — 33 слова, при этом представлены почти все части речи: существительные (7), прилагательные (5), глаголы (4), местоимения (7), союзы (5), наречие (1), частицы (2), собственное

имя (1). С учетом количественной характеристики можно отметить, что основу стихотворения составляют существительные. Можно утверждать, что рематическая доминанта здесь — предметная. Она репрезентируется как конкретными, так и отвлеченными существительными, а также дейктическими средствами и антропонимом: *луна, циферблат, звезда, млечность, спесь, час, любопытный, вечность, я* (4 раза), *он* (2 раза), *Батюшков*. В ее составе доминирует лексика внешнего мира, предельно обобщенно и символически передающая картину бытия, именующая его участников.

Процессуальную картину мира формируют четыре глагола. Первые два участвуют в изображении внешнего мира (*сиять*) и внутреннего мира лирического героя (*осязать*), а вторые два являются ключевыми в организации речевого жанра спора и минибеседы (*спросить, ответить*), которые выполняют текстообразующую функцию и играют большую роль в формировании содержания стихотворения.

Признаковая картина мира очень скупо отображена в стихотворении, в описании внешнего мира ключевыми лексемами являются прилагательные *светлый (о свете)* и *слабый (о свете)*, а внутреннего мира лирического героя — *виноват, противен*.

Итак, анализ категориально-грамматического состава лексики стихотворения О. Э. Мандельштама «Нет, не луна, а светлый циферблат ...» показал, что его формирует предметная доминанта, актуализирующая приметы внешнего мира с тенденцией его репрезентации существительными и дейктическими словами, что способствует ее предельной минимизации и обобщенности.

3.3. Денотативно-идеографический анализ лексики с целью выявления в ее составе парадигматических группировок разного типа

Проведенный парадигматический анализ позволил выявить основные денотативные сферы, а в их составе денотативно-идеографические группировки слов, отображающие авторскую локальную картину мира, ее основные параметры и ориентиры, зафиксированные в этом стихотворении. К ним относятся следующие денотативные сферы и денотативно-идеографические группы:

Восприятие окружающего мира: «Время»; «Счет времени»; «Время относительно момента речи»; «Проявление цветового признака»; «Восприятие предмета»; «Внешние качества предмета»; «Восприятие зрением»; «Пространство» (*луна, светлый, циферблат, слабый, осязать, млечность, час, здесь*).

Универсальные представления, смыслы и отношения: «Отрицание», «Сопоставление»; «Противопоставление»; «Соединение»; «Уступка», «Вопрос», «Ответ», «Причинно-следственные отношения» (*нет, не, а, и, и, а, вечность*).

Неживая природа: «Небесное пространство и тела», «Оптические явления и признаки» (*луна, светлый, сиять, слабый, звезда, млечность*).

Язык и речь: «Участники речевой деятельности: адресант, адресат», «Речевая деятельность»; «Речевое сообщение» (*спрашивать, отвечать*);

Человек и его внутренний мир: «Эмоции», «Общая оценка» (*виноват, противный, спесь, любопытный*).

Итак, денотативно-идеографический анализ лексики стихотворения О. Э. Мандельштама «Нет, не луна, а светлый циферблат ...» выявил своеобразный набор групп слов, участвующих в изображении уникального фрагмента мира. Он формируется комбинацией лексики пяти денотативных сфер, представленных в тексте с учетом их количественной представленности следующим образом: «Восприятие окружающего мира»; «Универсальные представления, смыслы и отношения»; «Неживая природа»; «Язык и речь»; «Человек и его внутренний мир». Как видим, в иерархии текстовой категориальной структуры доминанта — восприятие окружающего мира, представленного в его разнообразных универсальных связях и отношениях: сопоставления, противопоставления, отрицания, причины и следствия, уступки. При этом выделяется зрительное и ментальное восприятие. Внутренний мир человека представлен ограниченно, так же, как и внешний мир, в котором актуализируется пространство и то, что символизируется как основа временного потока, хода времени: Луна и Циферблат.

3.4. Когнитивно-дискурсивный анализ, нацеленный на выявление концептуальной информации и способов ее репрезентации в тексте.

Когнитивно-дискурсивный анализ стихотворения учитывает результаты категориально-грамматической и денотативно-идеографической интерпретации стихотворения О. Э. Мандельштама, опираясь на которую мы представляем ментальное содержание ключевого концепта данного стихотворения и его репрезентации в виде полевой структуры (см. словарь [Концептосфера ..., 2017]).

Ключевым концептом этого стихотворения является ВРЕМЯ. Ментальная структура этого концепта включает концептуальные признаки разного ранга и значимости.

Ядро ментальной структуры данного концепта двухкомпонентно, можно сказать, что он имеет двухядерную оппозитивную структуру, репрезентируемую в самой первой поэтической фразе стихотворения: «Нет, не луна, а светлый циферблат ...». Имена-репрезентанты здесь не только называются: *луна* и *циферблат*, но, включенные в реплику явно полевической направленности с семантикой отрицания и предпочтительного утверждения, они несут дополнительные концептуальные смыслы. В их оппозиции зашифрованы две модели мифологического представления

времени: постоянно повторяющегося панхронического времени-вечности, символом которого является ЛУНА, и актуального, динамически протекающего временного потока, состоящего из мгновений, моментов, фиксируемых как сознанием, так и специальными приборами, символом которого является ЦИФЕРБЛАТ.

Приядерная зона концепта. Ее репрезентируют атрибуты указанных выше символических оппозитивных концептов. В первом случае это само слово *вечность*, *звезды*, *млечность*, а также приверженец вечности — *Батюшков*. Концептуальная важность лексемы *вечность* обуславливает также ее принадлежность к ДИГ «Универсальные представления, смыслы и отношения». В фокусе поэтического познания О. Э. Мандельштама в исследуемом фрагменте индивидуально-авторской картины мира оказываются небесные тела (*луна*, *звезды*) и оптические явления и их признаки (*светлый*, *сиять*, *слабый*, *млечность*). Упоминание поэтом небесных тел в концептуально важном для него стихотворении (с одной стороны, декларация перехода от поэтики символизма к поэтике акмеизма, с другой, утверждение возможности их сосуществования в рамках одного поэтического текста (далее — ПТ) неслучайно: для символистов небесные тела являлись маркером высшей, неземной жизни, адептом которой должен быть подлинный поэт.

Во втором случае с представлением актуального времени соотносится обозначение отрезка (*мига*) времени (*час*), указание на земное пространство (*здесь*) и на *циферблат* как механизм фиксации и определения точного актуального времени, который так же, как и луна, сияет и светит. О. Э. Мандельштам с помощью двойного отрицания (***Нет, не луна ...***) смещает внимание читателя с «небесной», «эфемерной» жизни на конкретно-предметную окружающую действительность (***Нет, не луна, а светлый циферблат ...***).

Лексема *час* в рамках данного ПТ функционирует в оппозиции *час* — *вечность*: если в первой строфе лирический герой утверждает важность и небесного, и земного миров, то во второй строфе утверждается важность настоящего момента (*часа*) относительно безграничной, «эфемерной» вечности. Первый стих исследуемого ПТ постулирует доминирование предметного окружающего мира над неживой природой, однако далее О. Э. Мандельштам утверждает равновесие двух миров: лирический герой настаивает, что свет звезд (*слабых звезд я осязаю млечность ...*) является таким же реально-осязаемым, как и отражающийся от циферблата часов свет луны (или солнца). Обратим внимание на «равновесие» двух миров: две лексемы (*светлый* и *сиять*) относятся к земному миру, две лексемы (*слабый* и *млечность*) — к небесному.

Ближайшая периферия концепта. Ее формируют ДИГ «Восприятие окружающего мира» и ДИГ «Универсальные представления, смыслы и отношения». Отметим, что сочинительный союз *и*, с которого начинается вторая строфа, делает акцент на неоднозначности эстетической позиции О. Э. Мандельштама: *и* млечность звезд важна (маркер символизма), *и* час (важно то, что происходит сейчас — маркер акмеизма).

К этой же зоне ментальной структуры концепта относится ДИГ «Язык и речь», глаголы которой (*спросить* и *ответить*) усиливают и конкретизируют семантику полемичности, заявленную в первой строфе стихотворения, в аспектах субъектно-объектных отношений: участников (*любопытные, Батюшков*), содержания вопросно-ответной конструкции (*вечность*). Неслучайно О. Э. Мандельштам обращается к фигуре К. Н. Батюшкова: в стихотворении «Нет, не луна, а светлый циферблат ...» воспроизводится факт из биографии поэта, который, спрашивая «Который час?», отвечал сам себе — «Вечность!». Второй терцет поэтического текста «Нет, не луна, а светлый циферблат ...», являясь содержательно диалогом Батюшкова и неизвестных нам слушателей, выводит О. Э. Мандельштама на диалог с предшественником: автор «Камня» противопоставляет абстрактной вечности — текущий момент (оппозиция «вечность — час»).

Отметим случай пересеканности ДИГ «Восприятие окружающего мира» и ДИГ «Неживая природа»: лексемы *луна, светлый, слабый, млечность* входят одновременно в обе ДИГ.

Дальнейшая периферия. Она заполняется обычно культурными и национально-культурными пресуппозициями, ассоциативно-образными, модальными и оценочными смыслами. В стихотворении явно выражена эмоционально-оценочная позиция лирического субъекта по отношению и к себе, собственной рефлексии (*И чем я виноват*), и к своему оппоненту (*И Батюшкова мне противна спесь*). Есть модальные смыслы отрицания (*Нет, Не*), вопроса (*который час?*). Образные символические смыслы аккумулируются вокруг двух символов времени, которыми являются ВЕЧНОСТЬ и ЦИФРБЛАТ.

4. Заключение = Conclusions

Итак, в статье был проведен поэтико-идеографический анализ репрезентации фрагмента мира в небольшом стихотворении Э. Мандельштама «Нет, не луна, а светлый циферблат ...», которое отличается предельной минимизацией в плане лексической наполненности: содержит 33 лексических единицы, лишь половина которых знаменательные слова (семь существительных, пять прилагательных, четыре глагола и одно наречие), вторая половина — дейктическая лексика (местоимения, союзы). Это позволяет

поэту создать локальную картину внешнего и внутреннего мира, лишенную конкретики в описании объектов действительности, их признаков, и характеризующуюся предельной обобщенностью, фокусирующую внимание на универсалиях жизнеустройства: пространстве и времени, их ориентирах, осмыслении и восприятии. В этой локальной индивидуально-авторской картине мира доминируют сфера «Неживая природа» в части «Небесное пространство и небесные тела» и «Оптические явления», а также сфера «Восприятие окружающего мира», при этом рецепция осуществляется разными способами и формами: «Зрительное восприятие», «Осязательное восприятие», «Ментальное восприятие», «Восприятие предмета», «Пространство», «Время». Картина мира дополняется актуализацией универсальных логико-семантических связей: сопоставительно-противительных, соединения, причинно-следственных — также передающихся дейктическими средствами. Подобное отображение ИАКМ, характеризующееся минимализмом, является чертой идиостиля О. Э. Мандельштама, на которую обращали внимание многие исследователи его творчества, указывая на ее ключевую категорию, такую как пустота, например: «Мотив пустоты — один из основных в “Камне” — позволяет выявить такие его качественные признаки небытия, как бесформенность, безграничность и всепоглощаемость» [Бреева, 2013, с. 21], «Первичная стихия окружающего мира у Мандельштама — пустота, омут как рождающее лоно, одновременно и враждебное и утешающее в своей “засасывающей” неподвижности» [Крутий, 2005, с. 9]. Выявленный нами методом поэтико-идеографического анализа минимализм описаний, лишенных обилия конкретики бытия, исследователи его творчества объясняют по-разному. Так, С. Аверинцев дает следующий комментарий: «Выразительность деталей уравновешена их скупостью, их сознательной и последовательной разреженностью, а конкретное увидено настолько издали, проходящим *сквозь* него взглядом, что становится абстрактнее всех абстракций <...> поэзия Мандельштама идет путем поступательного очищения субстанции от случайных признаков, продолжая в этом отношении импульс символизма, хотя сильно его модифицируя» [Аверинцев, 1990, с. 21]. В анализируемом стихотворении в пустоте небесного пространства располагаются только небесные светила: луна и звезды, которые отличаются общим признаком — излучением света. Этот признак также символичен в творчестве О. Э. Мандельштама. Так, по мнению Т. Н. Бреевой, образы небесных светил получают «нетрадиционное решение в лирике О. Мандельштама. Поэт лишает их вещественной наполненности, единственным атрибутом небесной образности становится свет, который выступает как напоминание о пустоте. Это касается в основном образов солнца и звезд» [Бреева, 2013, с. 21]. Таким

образом, достоверность экспериментального поэтико-идеографического анализа подтверждается текстологическими наблюдениями мандельштамоведов, совпадает с ними.

Доминанта концептуального содержания анализируемого стихотворения О. Э. Мандельштама — двухядерный концепт ВРЕМЯ, выполняющий текстообразующую функцию. Он представлен оппозитивными именами-репрезентантами составляющих его частных концептов ЛУНА и ЦИФЕР-БЛАТ, символически отображающих две модели времени: ВЕЧНОСТЬ как панхроническое время, постоянное, неделимое и неизменное и ЧАС (МГНОВЕНИЕ) как актуальное, динамическое, текучее время, способное делиться и дробиться на мгновения. Очень важную роль в интерпретации этих концептов играет речевой жанр данного стихотворения, который можно определить как внутренний аутодиалог с элементами спора, полемики, рефлексии на тему вариантов осмысления жизненного временного потока.

Литература

1. *Аверицев С.* Судьба и весть Осипа Мандельштама / С. Аверицев. — В книге : О. Э. Мандельштам : сочинения : в 2 томах. — Москва : Художественная литература, 1990. — Т. 1. Стихотворения. — С. 5—64.
2. *Бабенко Л. Г.* Алфавит эмоций : словарь-тезаурус эмотивной лексики / Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург ; Москва : Кабинетный ученый, 2021. — 432 с.
3. *Бабенко Л. Г.* Синописис (свод) идеографической классификации русской лексики (общая глобальная структура словаря) / Л. Г. Бабенко // Универсальный идеографический словарь русского языка : проспект / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2015. — С. 22—42.
4. *Бабенко Л. Г.* Типы лексических множеств в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и лексикографическом освещении : динамика интерпретаций / Л. Г. Бабенко // Научный диалог. — 2020. — № 9. — С. 9—47. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-9-47.
5. *Баевский В. С.* Не луна, а циферблат (Из наблюдений над поэтикой О. Мандельштама) / В. С. Баевский // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама : воспоминания, материалы к биографии, «новые стихи», комментарии, исследования / отв. ред. О. Г. Ласунский. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. — 543 с.
6. *Бреева Т. Н.* Художественный мир Осипа Мандельштама / Т. Н. Бреева. — Москва : Флинта : Наука, 2019. — 136 с.
7. *Голдберг С.* Мандельштам, Блок и границы мифопоэтического символизма / С. Голдберг; авториз. пер. с англ. В. Третьякова. — Москва : Новое литературное обозрение, 2020. — 344 с.
8. *Казарин Ю. В.* Филологический анализ поэтического текста / Ю. В. Казарин ; под общ. ред. Л. Г. Бабенко. — Москва; Екатеринбург : Академический Проект : Деловая книга, 2004. — 431 с.
9. *Кихней Л. Г.* Осип Мандельштам : философия слова и поэтическая семантика : монография / Л. Г. Кихней, Е. В. Меркель. — 2-е изд., стер. — Москва : ФЛИНТА : Наука, 2016. — 200 с.

10. Крутий С. М. «Архитектурность» художественных образов в поэзии акмеистов (О. Мандельштам и А. Ахматова) : диссертация ... кандидата филологических наук / С. М. Крутий. — Магнитогорск, 2005. — 171 с.
11. *Концептосфера* русского языка : ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи. (на материале лексики, фразеологии и паремиологии) : словарь / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. — Москва : Азбуковник, 2017. — 1020 с.
12. Лебедев Д. Молодой Мандельштам / Д. Лебедев. — Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2022. — 176 с.
13. Лекманов О. А. Осип Мандельштам: ворованный воздух / О. А. Лекманов. — Москва : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2016. — 464 с.
14. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии : анализ поэтического текста : Статьи и исследования. Заметки. Рецензии. Выступления / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1996. — 846 с.
15. *Мандельштам О. Э. Камень* / О. Э. Мандельштам ; издание подготовили Л. Я. Гинзбург и др. — Ленинград : Наука, 1990. — 398 с.
16. *Приложения. Комментарии* / Л. Я. Гинзбург, А. Г. Мец, С. В. Василенко, Ю. Л. Фрейдлин. — В книге : Осип Мандельштам. — Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1990. — С. 286—310.
17. Фролов Д. В. О ранних стихах Осипа Мандельштама / Д. В. Фролов. — Москва : Языки славянских культур, 2009. — 312 с.
18. *Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография : теория, история, современность* / Л. Л. Шестакова. — Москва : Языки славянских культур, 2011. — 464 с.

References

- Averitsev, S. (1990). *The fate and message of Osip Mandelstam*. Moscow: Khud. lit., 1990. Vol. 1. Poems. 5—64. (In Russ.).
- Babenko, L. G. (2015). *Synopsis (code) of the ideographic classification of Russian vocabulary (the general global structure of the dictionary)*. Universal ideographic dictionary of the Russian language : prospect. Yekaterinburg : Cabinet Scientist. 22—42. (In Russ.).
- Babenko, L. G. (2020). Types of Lexical Sets in Structural-Semantic, Cognitive-Discursive and Lexicographic Coverage: Dynamics of Interpretations. *Nauchnyi dialog*, 9: 9—47. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-9-47. (In Russ.).
- Babenko, L. G. (2021). *Alphabet of emotions : dictionary-thesaurus of emotive vocabulary*. Yekaterinburg; Moscow : Cabinet Scientist. 432 p. (In Russ.).
- Babenko, L. G. (ed). (2017). *The conceptosphere of the Russian: key concepts and their representations in language and speech. (based on the material of vocabulary, phraseology and paremiology): dictionary*. Moscow : Azbukovnik. 1020 p. (In Russ.).
- Baevsky, V. S. Lasunsky, O. G. (eds.). (1990). *Not the moon, but the dial (From observations on O. Mandelstam's poetics)*. Voronezh : Voronezh Publishing House Univ. 543 p. (In Russ.).
- Breeva, T. N. (2019). *The artistic world of Osip Mandelstam*. Moscow : Flinta : Nauka. 136 p. (In Russ.).
- Frolov, D. V. (2009). *About the early poems of Osip Mandelstam*. Moscow : Languages of Slavic Cultures. 312 p. (In Russ.).
- Ginzburg, L. Ya., Metz, A. G., Vasilenko, S. V., Freidlin, Yu. L. (1990). Appendices. Comment. In: *Osip Mandelstam*. Leningrad: Science. Leningrad branch. 286—310. (In Russ.).

- Goldberg, S., Tretyakov, V. (ed). (2020). *Mandelstam, The Block and the boundaries of mythopoetic symbolism*. Moscow : New Literary Review. 344 p. (In Russ.).
- Kazarin, Yu. V. (2004). *Philological analysis of the poetic text: textbook for universities*. Moscow; Yekaterinburg : Academic Project ; Business Book. 431 p. (In Russ.).
- Kikhney, L. G., Merkel, E. V. (2016). *Osip Mandelstam: philosophy of the word and poetic semantics*. Moscow : Flinta : Nauka. 200 p. (In Russ.).
- Krutiy, S. M. (2005). «Architectuality» of artistic images in the poetry of the Acmeists (O. Mandelstam and A. Akhmatova): PhD. Diss. Magnitogorsk. 171 p. (In Russ.).
- Lebedev, D. (2022). *Young Mandelstam*. Moscow; Yekaterinburg: Cabinet Scientist. 176 p. (In Russ.).
- Lekmanov, O. A. (2016). *Osip Mandelstam: stolen air*. Moscow: AST: Elena Shubina's Publishing House. 464 p.(In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1996). *About poets and poetry: Analysis of the poetic text. Articles and research. Notes. Reviews. Speeches*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb. 846 p. (In Russ.).
- Mandelstam, O. E. (1990). *Stone*. Leningrad: Nauka. 398 p. (In Russ.).
- Shestakova, L. L. (2011). Russian author's lexicography: Theory, history, modernity. Moscow: Languages of Slavic cultures. 176 p. (In Russ.).

*Статья поступила в редакцию 06.10.2022,
одобрена после рецензирования 09.12.2022,
подготовлена к публикации 26.12.2022.*